

Глава 11. Будни деревни Фэйши

Для детворы в деревне всегда найдётся куда больше развлечений, чем в тесном городке. И Чжэн Чэнвэнь, будучи «ребёнком лишь наполовину», не стал исключением из этого правила.

Его будни в деревне Фэйши протекали по заведённому распорядку.

Просыпался он сам, без всяких побудок. Первым делом Чэнвэнь отправлялся к дедушке Чжэну Доциню, чтобы раздобыть чего-нибудь съестного и перекинуться парой слов. Подкрепившись, он заглядывал в комнату к бабушке Дэн Нуань, где между ними неизменно разыгрывался «сеанс взаимного восхваления»: внук и бабушка осыпали друг друга комплиментами так истово, будто от этого зависели судьбы мира.

Завершив этот важный ритуал, он перебирался к матери. Чэнвэнь вовсю развлекал её, не давая засидеться на месте — ведь постоянное неподвижное созерцание стен ещё никому не шло на пользу.

К тому времени, как обязательные домашние дела подходили к концу, наступал час обеда.

На столе неизменно красовались плоды многолетней верности дедушки Чжэна Доциня одной и той же кулинарной философии: всё бланшированное, всё в кипятке. Его мастерство в приготовлении соусов для обмакивания достигло небывалых высот — блюда нельзя было назвать деликатесами, но вкус они имели вполне сносный. Потратив ещё немного времени на нежности с родными, Чэнвэнь вместе со всеми отправлялся в комнату — на полагающийся после трапезы получасовой отдых.

А затем наступало самое интересное!

Поскольку привычка дедушки варить всё подряд за десятилетия въелась ему в подкорку, любые «советы по улучшению» пролетали мимо его ушей. Чэнвэнь быстро понял: реформировать дедову кухню — затея гиблая. Решив взять дело в свои руки, он отправился искать единомышленников среди местных ребят.

Едва закончив дневной сон, Чэнвэнь со всех ног вылетал из родового поместья Чжэнов. Пришло время для «игр» — а на деле, для масштабных экспедиций по добыче провианта и полевой кулинарии.

Деревенская ребятня оказалась на редкость полезной компанией. Если дело не касалось игры в «дочки-матери», Чэнвэнь охотно принимал участие в любых затеях. Те, кто был постарше, вместо скучных прятков или игры в камешки, в основном занимались «подножным кормом»: лазали по деревьям за птичьими яйцами, ловили в речке рыбу и креветок, искали в поле ягоды или съедобных личинок. В общем, тащили в рот всё, что хотя бы отдалённо напоминало еду.

Вот это было по нему!

В первые дни старшие ребята не особо хотели возиться с «малявкой», и Чэнвэню никак не удавалось блеснуть своими познаниями. Тогда он выпросил у деда немного специй и собрал вокруг себя пятерых таких же неприкаянных сорванцов шести-семи лет. Пора было основывать собственный отряд и разводить свой костёр.

Статус сына учёного сослужил ему добрую службу. Ссылаясь на то, что «вычитал всякие хитрости в умных книжках», Чэнвэнь быстро прибрал власть к рукам. Ребята слушались его беспрекословно.

Они нашли укромное место, собрали хворост и соорудили из камней несколько простых очагов. Чэнвэнь упросил взрослых вырубить для них несколько толстых стеблей бамбука, которые заменили им кастрюли. Так в лесу появилась их штаб-квартира.

Первым делом они отправились в поле. Разорив несколько нор полевых мышей, ребята обнаружили настоящую кладовую — почти десяток цзиней припрятанного грызунами зерна. Сорванцы пришли в неописуемый восторг, и вера в «книжную мудрость» Чэнвэня стала непоколебимой.

Аккуратно рассортировав зерно, они сначала отправились к дедушке Чжэну Доциню и обменяли неочищенные злаки на горсть хорошей рисовой муки. Затем разделились: одни пошли за яйцами, другие — за мелкой рыбёшкой, улитками и крабами, а кто-то накопал дикого лука и зелени.

Когда все вернулись в лагерь, Чжэн Чэнвэнь, не пачкая рук, принялся командовать. Под его чутким руководством сорванцы шаг за шагом сварили густую кашу с речными дарами и яйцами.

— Ого! Пахнет даже лучше, чем мамина каша! — восторженно воскликнул Малыш номер один, сглатывая слюну.

Семилетний Да Ба был самым старшим. Из-за нелюдимого характера и заметного родимого пятна на лице сверстники в деревне его сторонились.

— Комарик такой крутой! Сразу видно — сын господина учёного, — поддакнул Малыш номер два.

Семилетний Ма Эр заслужил изгнание из общих игр тем, что постоянно давал всем обидные прозвища и безбожно льстил всем подряд без разбору.

— Ой! Горячо... — Малыш номер три попытался стянуть кусочек прямо из бамбукового стебля и обжёгся.

Шестилетний Фэй Цзю был сыном вдовы. Его выставили из компании за безмерную прожорливость: он вечно норовил съесть всё в одиночку.

— В-вкусно... К-комарик... м-молодец! — прозаикался Малыш номер четыре.

Ванван, ровесник Фэй Цзю, был немного медлительным и сильно заикался, поэтому другие дети не хотели брать его в игру.

Малыш номер пять промолчал, но так неистово захлопал в ладоши, что его восторг был понятен без слов.

Шацзы скоро должен был справить семилетие. Он был сообразительным и ловким, и другие ребята не прочь были брать его с собой на промысел — уж больно метким был его глаз. Но Песочек был нем, и дети часто обижали его, обделяя при дележке добычи. В конце концов он сам ушёл от них.

Чэнвэнь украдкой вытер пот со лба. Компания подобралась та ещё — каждый со своей особенностью, неудивительно, что они не вписались в общую деревенскую стаю. Первым к нему подошёл Шацзы, а остальных тот привёл уже сам.

Ребята не сводили глаз с Чэнвэня, переминаясь с ноги на ногу и знаками поторапливая друг друга. Наконец Ванван осторожно ткнул Чэнвэня пальцем, вырывая его из раздумий.

— Ну всё, — востепенулся тот. — Приступаем к трапезе!

В то же мгновение лагерь огласился чавканьем и прихлёбыванием. Сорванцы уплетали кашу из бамбуковых чашек самодельными ложками так, что за ушами трещало. Чэнвэнь и сам не отставал: каша вышла на редкость сладкой и наваристой. Он заранее строго-настрого приказал всем вымыть руки и посуду, так что за гигиену можно было не опасаться.

Так Чжэн Чэнвэнь стал предводителем «отверженных». Раз в несколько дней они разоряли мышинные норы, добывая порой до нескольких десятков цзиней зерна. Их рацион пополнился побегами бамбука, лягушками, кузнечиками, диким ямсом и всевозможными ягодами.

У каждого была своя роль. Отец Да Ба был мастером по бамбуку, поэтому снабжал их посудой в обмен на еду. Ма Эр, прирождённый сплетник, собирал все новости деревни. Фэй Цзю и Ванван стали «мускулами» отряда — таскали хворост и тяжести. Шацзы оказался непревзойдённым охотником за мышинными норами: одному небу известно, как он находил их с такой точностью. Ну а сам Чэнвэнь, помимо стратегического планирования и кулинарного руководства, внес в общее дело весомый вклад — целую кадку кислой капусты.

Для этого он отыскал в кладовой старого дома несколько глиняных горшков и, вспомнив один рецепт, заквасил овощи в рисовой воде.

Когда запасов зерна стало вдоволь, им больше не нужно было выпрашивать муку у дедушки. Они начали менять добычу у жителей деревни, у которых было много птицы. Посредницей выступала мать Фэй Цзю — ребята боялись, что их заподозрят в воровстве, если они придут сами.

Счастливые дни летели незаметно. Спустя двадцать дней такой жизни шестеро мальчишек заметно округлились. Отраднее всего было смотреть на Шацзы: из костлявого заморыша он превратился в крепкого ребёнка с пухлыми щеками.

Сегодня, разорив очередную мышиную кладовую, Чэнвэнь решил опробовать метод, описанный господином Лу Синем: ловлю птиц с помощью зерна и корзины.

— Идём! — провозгласил он с воодушевлением. — Ма Эр говорит, что остальные ребята ушли в конец деревни. Не будем с ними толкаться. У опушки птиц полно, сегодня устроим пир — приготовим «птицу нищего».

В последнее время их компания была на слуху. Деревенские дети с завистью смотрели на лоснящиеся от жира лица «отверженных». Те хоть и были помладше, но держались особняком, стараясь не затевать ссор.

Сорванцы радостно завопили и, подхватив нехитрый скарб, припустили к лесу.

Через пару часов, с богатой добычей, они вернулись на базу. Да Ба принялся ловко потрошить птиц самодельным бамбуковым ножом. Ма Эр уже развел огонь и грел воду, чтобы ошпарить тушки. Ванван готовил лotosовые листья и глину, Шацзы помогал ощипывать птиц...

— Погодите, а где Фэй Цзю? — спохватился Чэнвэнь.

Он внимательно следил за каждым, опасаясь, как бы кто не порезался ножом Да Ба или не обжёгся у костра Ма Эра. И тут заметил, что Фэй Цзю, который должен был собирать хворост, исчез.

— Фэй Цзю! Ты где? Выходи скорее, сейчас птица поспеет! — крикнул Чэнвэнь, чувствуя, как внутри всё похолодело.

Остальные ребята тут же побросали дела и повскакивали со своих мест. Пятеро мальчишек разбрелись по округе, выкрикивая имя товарища. Наконец, в расщелине между камнями у реки они нашли Фэй Цзю. Тот сидел, сжавшись в комок, и горько плакал.

Чэнвэнь выдохнул. Внешне он старался сохранять спокойствие, но сердце колотилось как сумасшедшее. Если бы с Фэй Цзю что-то случилось, он бы себе этого не простил.

Да Ба и Ванван подхватили ревущего друга под руки и притащили в лагерь. Посадив его на

траву, они без лишних слов вернулись к работе — птица сама себя не приготовит. Чэнвэнь только диву дался их хладнокровию.

— Фэй Цзю, да что стряслось? — не выдержал он. — Чего ты ревёшь?

Тот только всхлипывал, не в силах вымолвить ни слова.

— Да ясно же всё, — вставил вездесущий Ма Эр. — Его мать ему нового отчима нашла.

— Ты боишься, что он будет тебя обижать? — попытался утешить его Чэнвэнь. — Не бойся, если мать тебя любит, всё будет хорошо.

— Да это у него какой уже по счету отчим? — снова влез Ма Эр. — Не в этом дело.

— Третий, — подал голос рассудительный Да Ба.

Шацзы согласно кивнул и показал Чэнвэню три пальца. Ванван продолжал месить глину, кажется, не вникая в разговор.

Чэнвэнь лишился дара речи. Вот это поворот! Но если Фэй Цзю уже проходил через это не раз, почему такая реакция?

— Да замолчите вы все, пусть он сам скажет! — прикрикнул Чэнвэнь. — Фэй Цзю, не тяни, рассказывай. Мы что-нибудь придумаем. Только не плачь.

Сквозь рыдания и путанные объяснения, одобренные комментариями Ма Эра, Чэнвэнь наконец восстановил картину событий.

Мать Фэй Цзю на днях договорилась о браке с деревенским каменщиком. Человек он был справный и добрый, так что Фэй Цзю его ничуть не боялся. Мать всегда стояла за сына горой: когда её прежний муж начал втихомолку обижать мальчика, она с треском развелась с ним — благо, в её родне хватало крепких мужчин, которые быстро объяснили негодяю, что к чему. И нынешний брак был одобрен только после того, как мать убедилась, что сыну новый избранник по душе.

Кульбит личной жизни матери Фэй Цзю впечатлял:

Первый муж утонул, не прожив с ней и года после рождения сына.

Второму она сама указала на дверь через полгода, когда тот начал играть и завел интрижку на стороне.

Третий, как уже было сказано, не поладил с Фэй Цзю и был изгнан с позором.

И вот четвертый — вдовец-каменщик.

Фэй Цзю был только за, ведь лишний человек в доме — это лишняя порция ласки и заботы. Но почему же он тогда рыдал в камнях?

Оказалось, деревенские мальчишки, из той самой «основной» компании, пронюхали про свадьбу и начали дразнить Фэй Цзю. Они твердили, что Комарик и остальные теперь побрезгуют с ним водиться из-за того, что его мать выходит замуж в четвертый раз. Мол, бросят они его и прогонят. Фэй Цзю, предвкушая пиршество, вдруг вспомнил эти слова, и на него накатила такой ужас, что он не нашел ничего лучше, как спрятаться и оплакивать свою горькую долю.

Он просто боялся потерять друзей.

— Ну ты и дурень, Фэй Цзю, — с облегчением выдохнул Чэнвэнь. — Мы только рады, что у тебя будет хороший отец. С чего бы нам тебя бросать? А ну, вытирай слёзы. Шацзы уже птицу оципал, Ванван глину подготовил, только твоего хвороста и ждём.

Фэй Цзю шмыгнул носом и нерешительно поднялся.

— И лицо умой! — прикрикнул Чэнвэнь с напускной суровостью. — Чумазым за стол не пущу!

Увидев, что Комарик не шутит, а остальные ребята согласно кивают (Ванван даже хлопнул его по плечу своей измазанной в глине пятернёй), Фэй Цзю окончательно успокоился. Он мигом слетал к реке, умылся и вернулся в строй, сияя от счастья и предвкушая вкусную «птицу нищего».

Буря утихла. Из-за инцидента с Фэй Цзю они немного припозднились. Когда ароматные тушки, запечённые в глине и листьях лотоса, были готовы, пришло время расходиться по домам. Каждому досталось по пять-шесть птиц — Чэнвэнь честно разделил добычу, и довольные сорванцы разбежались к своим матерям.

Вернувшись в поместье Чжэнов, Чэнвэнь первым делом похвастался своими успехами, не забыв приукрасить свои кулинарные подвиги. Он торжественно разделил нежное мясо между дедом, бабушкой и матерью.

Семья, для которой еда всегда была лишь средством поддержания жизни, дружно покивала и похвалила внука. А затем они... вернулись к своей диете из бланшированных овощей с соусом.

Бабушка Дэн Нуань и Ху Баочжу кротко заявили: кто стоит у плиты, тот и заказывает музыку. А дедушка Чжэн Доцинь добавил, что его соус — само совершенство, а варить в кипятке — это

вершина удобства. Впрочем, кислой капусте внука он тоже воздал должное.

Чжэн Чэнвэнь только вздохнул. Ему очень хотелось возмутиться, но пришлось ограничиться милой детской улыбкой.

<http://bllate.org/book/17410/1657202>